

ОРУЖИЕ
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ТРЕТЬЯ
Р·А·С·А
ЭКСМО

Annotation

2636 год.

Долгие годы последствия Галактической войны будут препятствовать заселению планет, где сохранились автоматические системы планетарной обороны. На деактивацию подобных миров бросают смертников, из числа пленных офицеров Земного Альянса.

Андрей Ливадный Повторная колонизация (Экспансия: История Галактики — 16)

Глава 1

Огромный грузовой корабль медленно приближался к стыковочному порталу космической станции.

— Борт восемьсот девятнадцать, примите на два градуса правее. — Приказ был передан по внешней коммуникационной сети.

В рубке управления транспортом, где сдавленно попискивали сигналы, тихо шуршали вентиляторы, да еще раздавался этот настойчивый голос, корректирующий полет, ощущалась некоторая нервозность.

Хотя незримая сфера внешнего охранного периметра базы уже давно осталась позади, но два пилота, чьи ровно стриженные под машинку затылки виднелись из-за высоких мягких спинок противоперегрузочных кресел, все равно заметно нервничали. Это было видно по тому, как быстро сновали их руки по шеренгам переключателей, да один из них то и дело машинально облизывал пересохшие губы. Второй же, наоборот, нет-нет да и проводил тыльной стороной ладони по бисеринкам пота, с раздражающей регулярностью выступавшим на лбу. Полностью погрузившись в работу, они не обменивались, как это бывало обычно, полушутливыми репликами. Оба являлись достаточно опытными навигаторами, но сюда, на «Эрадзию», они прилетели впервые, и ореол мрачной, зловещей славы этого места вкупе с совершенно непривычной, чрезвычайно жестко регламентированной процедурой сближения, никак не способствовал спокойной работе за пультами.

Вокруг, в окружающем корабль пространстве, мерно вспыхивали мрачные, кроваво-красные сигнальные огни. Они обозначали коридор безопасности, выделенный транспорту для подлета к «Эрадзии».

Внезапно первый пилот, напряженно следивший за показаниями приборов, невнятно выругался. Его уже начала доставать эта карусель. Сплошные запрещающие знаки, какие-то охранные разметки, границы… Их бортовой компьютер уже дважды подключал аварийный автопилот, чтобы избежать рокового нарушения…

Борт станции, а вместе с ней и открывшийся портал разгрузочного дока росли удручающе медленно.

— Двести двадцать метров до касания… Двести десять… Двести… Сто девяносто… — ровный голос бортовой аудиосистемы монотонно отсчитывал цифры. Внезапно он умолк, а на несущую частоту передатчика опять влез этот чертов координатор со станции.

— Борт восемьсот девятнадцать, перейдите на ручное управление, — безапелляционно приказали по радио.

Второй из пилотов резко вскинул голову, машинально посмотрев в ту сторону, где располагался скрытый за приборными панелями динамик связи.

— В чем дело, сэр?! — Недоумение и даже некоторую злобу в голосе пилота можно было понять — они там сидят себе спокойно, а тут выкручивайся между всеми этими запретными зонами…

— У нас возникли некоторые сомнения, — спокойно сообщил коммуникатор. — Ваш компьютер неправильно отреагировал на одну из командных последовательностей. Делайте как сказано, пилот. Не волнуйтесь, такое бывает. Однако лучше не искушать наши системы безопасности.

— О’кей. Я понял, — со вздохом ответил второй пилот.

Пока он говорил, руки первого уже легли на удобные рукоятки струйных рулей ориентации. Корабль по-прежнему полз в пространстве, не меняя своего курса, лишь его скорость упала еще больше…

— Не психуй, Дима, прорвемся, — негромко произнес он.

«Да уж… лучше не нервировать эти чертовы лазерные турели…» — подумал второй пилот, покосившись на экран, где в прицеле включившейся навигационной системы медленно рос в размерах открывшийся стыковочный вакуум-створ грузового портала.

Гроздья автоматических лазерных пушек, провожающие космический корабль холодным взором сопряженных с ними видеокамер, действительно выглядели угрожающе, да к тому же на экранах было отчетливо видно, что они поворачиваются синхронно с движением транспорта, и это вызывало не совсем приятные ощущения…

«Не хотел бы я оказаться на месте тех, кто обретается тут по нескольку лет кряду…» — подумал он, заставив себя оторвать взгляд от мрачной картины нашпигованного автоматическими охранными системами пространства.

…Наконец нос корабля вполз в огромный овальный провал. На счетчике дальномера появились цифры с отрицательным значением, и характерный лязг сработавших электромагнитов сообщил о том, что транспорт намертво состыковался со станцией.

Оба пилота облегченно вздохнули. Переглянувшись, они без слов поняли друг друга, каждый из них подумал наверняка об одном и том же: как здорово будет Убраться отсюда и не возвращаться никогда… Ни под каким предлогом, даже за двойную оплату…

— Порядок! — раздался в коммуникаторе все тот же голос. — Никто не покидает своих рабочих отсеков. Сейчас будет произведена проверка стыковочного уплотнителя на герметичность, после чего на борт поднимется группа досмотра. Желаю удачи.

* * *

Группа досмотра состояла из двадцати человек.

Вернее, людей было только двое. Остальные оказались киборгами, причем в полном боевом оснащении.

Нос транспортного корабля, идеально подогнанный по форме к стыковочному порталу, заткнул собой отверстие вакуум-створа, словно исполинская пробка. Герметизирующий уплотнитель по контуру портала уже надулся, и это означало, что на разгрузочной площадке появился воздух.

Двое экспедиторов из экипажа транспорта стояли в данный момент на нижней площадке подъемника, заинтересованно озираясь вокруг. Слухи об «Эрадзии» ходили всякие, начиная от баек про женщин-киборгов, которые несли тут караульную службу, и кончая ужасными, леденящими душу подробностями быта заключенных…

Вот только побывать тут удавалось немногим, а те, кто посещал эту зловещую базу, на протяжении пяти послевоенных лет кочующую от системы к системе, отчего-то предпочитали помалкивать о своих личных впечатлениях.

— Смотри-ка!.. — Один из сопровождавших груз людей толкнул второго локтем. — Да это же действительно бабы!

Он не ошибся. Высокие, молчаливые фигуры в серой, камуфлированной черными разводами броне, которые в сопровождении двух офицеров станции появились на разгрузочной площадке стыковочного портала, на самом деле являлись представительницами женского пола. Однако их лица, несмотря на разницу черт, казались удручающе-одинаковыми из-за полного отсутствия какой-либо мимики или иного проявления эмоций.

Они были *каменными*, вот, наверное, самое точное определение.

— Это киборги… — сдавленным голосом ответил второй экспедитор своему товарищу. — Охрана…

— А ничего девочки, да? — ухмыльнулся первый.

Второй экспедитор стоял на краю площадки, провожая настороженным взглядом двух офицеров со станции, которые прошли мимо, едва удостоив коротким снисходительным кивком оторопевших

гражданских. Заслышав слова товарища, он метнул обеспокоенный взгляд на киборгов и предостерегающе обернулся:

— Паша, не вздумай, брось ты свои дурацкие шуточки, озабоченный!..

Однако он опоздал со своим предупреждением. Тот, кого звали Павлом, действительно выглядел как заправский ловелас и, как видно, даже не думал упускать сомнительного, с точки зрения товарища, шанса.

— Эй, красавица!.. — заигрывающим тоном обратился он к ближайшей из молчаливых фигур, как только офицеры миновали порог шлюза. — Как насчет ужина при свечах, детка? — развязно предложил он.

Пока он произносил эти слова, закованные в броню фигуры уже втянулись в шлюз корабля, но последняя, услышав звуки человеческой речи, остановилась. Ее лицо, которое в иных условиях действительно можно было бы назвать миловидным, совершенно не изменилось, но то, как эта «красавица» повернула голову, одним резким, совершенно законченным движением, сразу не понравилось незадачливому ухажеру… однако отступать уже было поздно.

— Ну-ну, детка, ты что? — Он поймал ледяной взгляд ее глаз, увидел, как рука киборга скинула предохранитель штурмовой импульсной винтовки, и попятился. — Я же пошутил, дура! — оторопело произнес он, отступив на всякий случай еще чуть-чуть.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице, когда импульсная винтовка вдруг резко пошла вверх и остановилась, уставившись черным зрачком электромагнитного компенсатора в грудь оторопевшего экспедитора.

— Соблюдать дистанцию, урод! — ровным, ничего не выражающим голосом произнесла она. — Три метра от конвоя. Двигаться в затылок. Огонь открываю без предупреждения.

У экспедитора ослабли ноги. Его товарищ поспешно отступил к ограждению грузового подъемника.

В этот момент в шлюзе корабля показался офицер со станции.

— Эй, где вы там застряли? — раздраженно осведомился он, но, заметив происходящее на площадке подъемника, вдруг изменился в лице и рявкнул:

— Ноль—семнадцать, отставить!

Женщина-киборг послушно опустила оружие. Ее лицо по-прежнему не выражало абсолютно никаких эмоций. Большой палец правой руки вернул на место рычажок предохранителя.

Офицер посмотрел на бледных, перепуганных мужчин и вдруг от души расхохотался, наполнив гулкое помещение грузового портала

хриплыми звуками, которые скорее можно было принять за карканье, чем за добродушный смех.

— Заходите, они вас не тронут! — отсмеявшись, приказал он.

Когда оба сопровождающих груз служащих оказались подле него, он строго посмотрел на них.

— Запомните, здесь вам не обычная космическая станция, — уже безо всякого намека на юмор прокомментировал он. — Здесь тюрьма. Особо охраняемая тюрьма. А эти леди не секс—рабыни, а настоящие боевые киборги. Усекли?

Оба экспедитора поспешно кивнули.

— Вот и чудно. А теперь давайте за работу.

Он отвернулся, глядя на первый контейнер, который выезжал из чрева транспортного корабля по ленте транспортера. Контейнер больше походил на хорошо упакованный гроб-холодильник. На его полупрозрачной крышке, покрытой изнутри толстым слоем инея, помаргивало несколько зеленых индикаторов и четко выделялись выпуклости букв, складывающиеся в два, уже достаточно хорошо известных на всех обитаемых планетах слова, обозначавших название фирмы — изготовителя того, что было заключено в этой капсуле: «Галактические Киберсистемы».

И чуть ниже, более мелким шрифтом:

«Внимание! Опасный груз! Хранение без присмотра не более десяти часов. При первой реактивации проверь микропереключатели боевых режимов»

— О, пополнение… — удовлетворенно произнес офицер, посмотрев на крышку. — В девятый грузовой лифт!

Двое киборгов подняли тяжеленный ящик и, не напрягаясь, понесли его к подъемнику.

Из чрева транспорта уже выползал следующий.

— Так, это, похоже, наш пациент. — Офицер повернулся и вдруг зло, недоброжелательно посмотрел на двух экспедиторов. — Ну что застыли? Кто будет сдавать заключенных? Где декларация бортового груза?

Тот из членов экипажа, кто попытался минуту назад заигрывать с киборгом, поспешно выудил электронный планшет.

— Вот, сэр… — Он мельком взглянул на крышку криогенного гроба и затараторил:

— Заключенный КХ-157, Олег Лепетов, гражданство Земли, возраст — тридцать четыре года. Груз сдан, показания систем жизнеобеспечения в норме. Подпишите, сэр!

Офицер подошел к транспортной криогенной камере, взглянул на

показания приборов и кивнул.

— Седьмой грузовой лифт. В реанимационную!

* * *

Они увидели свет практически одновременно.

В двух разных помещениях станции были вскрыты в этот момент два низкотемпературных саркофага.

В первом из них лежала женщина-киборг.

Пожилой седоусый техник, из немногочисленного людского персонала «Эрадзии», привычными, профессиональными и совершенно равнодушными движениями прилепил к нагому, покрытому бисеринками желеобразного раствора телу несколько датчиков, взглянул на их показания, покачал головой и произнес себе под нос:

— Совсем они там рехнулись, что ли? Гонят всякий утиль… — Он еще раз с сомнением глянул на не понравившиеся ему данные, потом вздохнул, махнул рукой и воткнул в разъем на черепной коробке киборга компьютерный кабель, соединенный с одним из установленных в помещении терминалов.

На мониторе промелькнули коды тестирования. Два теста из пятнадцати оказались провалены. Техник, который в ожидании окончания процесса курил, присев на край низкотемпературного гроба, покосился на результаты проверки, в сердцах сплюнул на далекий от понятия «стерильность» пол и отжал клавишу вмонтированного в терминал устройства связи.

— Лейтенанта Гордона… — отрывисто бросил он, склонясь к сеточке микрофона.

— Ну? — спустя десять или пятнадцать секунд ответил динамик переговорного устройства.

— Джон, у меня проблемы с номером пятнадцать. Да, эта из сегодняшней партии. Тест провален по двум позициям. Будем оформлять рекламацию?

На той стороне связи раздалось недовольное сопение.

— А что за позиции? — наконец переспросил старший техник.

— Вторая и девятая. Они там на заводе опять принялись лепить какую-то херню.

— Слушай, да это же ерунда… — В динамике было слышно, как лейтенант технической службы щелкает клавиатурой, просматривая листы электронной спецификации. — Ассоциативное мышление и долгосрочная память псевдоличности… мы же не включаем эти функции, у нас тюрьма, а

не бордель, забыл?

— Ну и что мне делать?

— Да запускай ты ее, на нас и так представители «Киберсистем» уже две телеги накатали. А будет глючить — спишем. Не ты ведь платишь… В первый раз, что ли?

Сержант нахмурился, отчего на его лбу обозначились вертикальные морщины.

— Ладно, уговорил, — наконец согласился он, безнадежно взмахнув рукой. — С тебя вечером три пива, Гордон… — Техник отпустил клавишу и повернулся к киборгу.

Пожевав пустыми губами, он некоторое время с сомнением рассматривал ее, а потом произнес, обращаясь к неподвижному телу:

— Ну что, красотка, будем просыпаться или как?

Та, к кому он обращался, не могла ничего ответить. Она лежала на своем жестком ложе, холодная и безучастная, словно кусок льда.

Пальцы техника легли на сенсорную клавиатуру.

«Загрузка функций серводвигательных систем» — набрал он в командной строке и добавил несколько цифр.

На пустом экране монитора заморгал короткий ответ системы:

«Активация. Ждите».

* * *

Двумя этажами выше в тюремном медицинском блоке молодой врач склонился над нагим мужчиной, который лежал на жестком реанимационном одре, подключенный к обступавшим его со всех сторон приборам.

Раздвинув плотно смеженные веки пациента, врач посветил ему в глаз маленьким фонариком, дождался реакции зрачка на свет и удовлетворенно разогнулся.

Через несколько минут он внесет в компьютер станции новую учетную запись:

«Лепетов Олег Владимирович, КХ-157. Успешно реанимирован».

* * *

Эта самая первая ночь на борту «Эрадзии» запомнилась Олегу смутно, но от того, что окружающая обстановка воспринималась урывками, она не стала менее гнетущей.

Сама станция ни изнутри, ни снаружи не могла похвастать интерьером и удобствами. Скорее, наоборот, тут, словно в издевку над

будущими обитателями, вообще отсутствовало понятие «комфорт». Орбитальная база являлась не чем иным, как наспех переоборудованным под содержание людей старым межзвездным складом, которые в изобилии разбросала по всем мыслимым точкам космоса едва закончившаяся война.

Главное помещение «Эрадзии», или, как его называли сами заключенные, — «холл», представляло собой квадратный колодец. По отвесным стенам колодца тянулись пятнадцать узких решетчатых балконов, соразмерно количеству ярусов, по периметру которых располагались камеры для заключенных.

Все они были «одиночками», но данный факт быстро находил свое объяснение: клети, размером два метра на метр, являлись стандартными грузовыми ячейками, по размеру обычного контейнера, и их оборудовали под камеры весьма незатейливым способом: просто приварили на петлях скрипучие двери из толстых металлических прутьев. И не вырвешься, и охране наблюдать удобно, нутро каждой камеры как на ладони, за исключением четырех «аппендиксов» на каждом из ярусов, которые представляли собой узкое продолжение балкона, вдающееся в переборку и оканчивающееся люком в человеческий рост, ведущим в иные помещения станции.

Олегу досталась зарешеченная клетушка, дверь которой как раз находилась в стене такого узкого тамбура. Хорошо это или нет, но он был лишен возможности созерцать квадратную шахту «холла» и мог только слышать, что происходит вокруг. Для того чтобы еще и видеть, как он убедился несколько позже, нужно было встать, прижаться щекой к холодным ржавым прутьям решетки, и только тогда можно было разглядеть кусок сварного балкона и несколько расположенных напротив камер этого же яруса.

Нетрудно догадаться, что в ту, первую ночь, когда Лепетова едва живого после реанимации внесли в тесную конуру и швырнули на жесткий пластиковый топчан с вонючей кучей тряпья в изголовье, ему было не До экспериментов с дверью. Единственное, на что хватило сил у Олега, — это столкнуть на пол сомнительную, дурно пахнущую ветошь. Затем он вытянулся на Жестком топчане и застыл, словно мумия, хотя внутри все сотрясалось от холода и запоздалой боли…

Ночь казалась кошмарной и бесконечной.

Олег лежал в синеватом сумраке (такое освещение создавали несколько дежурных ламп, укрепленных под сводами квадратного колодца) и мучительно сотрясался от внутреннего холода, вызванного скверным выходом из состояния низкотемпературного сна. Он непроизвольно слушал

тишину, в которой звучало монотонное эхо шагов, да изредка раздавались едва слышные голоса.

Шаги очевидно принадлежали патрулировавшим балконы киборгам. Их звук был четким, ритмичным. Каждая из пятнадцати балюстрад в точности повторяла предыдущую и была сварена из листов рифленого листового железа сантиметровой толщины. Шаги на таком покрытии вызвали гулкий, вибрирующий звук.

Сознание Олега то проваливалось в зыбкую пучину дремы, то опять прояснялось, когда очередной приступ внутреннего озноба начинал слишком сильно терзать его плоть.

Если разбираться беспристрастно, то он не очень хорошо понимал, куда его занесла злая, капризная судьба. Единственное, что осознавал Лепетов, — это то, что он находится в заключении, но он не знал ни местоположения тюрьмы, ни каких-то ее особенностей, а вывод насчет киборгов пришел сам собой — когда его несли в камеру, он на несколько минут очнулся и успел разглядеть неживые, застывшие, будто маска, черты лица следовавшего поодаль охранника.

То, что у конвоира было лицо женщины, нисколько не затронуло Олега. За время войны он повидал немало разных моделей машин, в том числе и биологических. Киборг, он и есть киборг — у него просто не может быть ни признаков половой принадлежности, ни каких-то иных отличий. Машина. А какую личину натянули на этот кибернетический механизм, роли не играло.

В ту ночь Олег действительно не размышлял над своей судьбой, кинувшей его неизвестно куда в качестве заключенного, — на это не было сил, ни физических, ни моральных. Мысли казались рваными, больными, как и тело, содрогающееся от холода, покрытое липким потом и удушенное постоянными спазмами, стремящимися вывернуть наизнанку пустой желудок.

Единственно, что получалось у него совершенно непроизвольно, — это слушать.

В какие-то моменты ему даже удавалось отрешиться от своих мерзостных ощущений и сосредоточиться на звуках.

Шаги, которые слышались четче других, медленно двигались в его сторону. Интервал между ними был равномерный. Звук все усиливался, пока на дверь его камеры не наползла смутная тень. Еще секунда, и в поле зрения Олега появился охранник.

Им действительно оказался киборг с застывшими чертами миловидного женского лица. В остальном эта машина не отличалась

оригинальностью: тело заковано в камуфлированную броню, ремень импульсной винтовки перекинут через плечо, на запястье правой руки петля с болтающейся резиновой дубинкой.

Киборг дошел до тупика, остановился, повернулся на каблуках и, не сбиваясь с ритма шагов, двинулся обратно.

Шаги слышались все глуше и глуше, из чего Олег чисто машинально сделал вывод — охранников на каждом балконе всего двое.

Глава 2

Утро, если так можно обозначить чисто условный Рассвет на борту космической станции, началось с того, что под потолком вертикального квадратного колодца ярко вспыхнули режущие глаз рефлекторные лампы, и по периметру пятнадцати балконов заскрежетали отворяемые двери камер.

Олег, который в какой-то момент все же сумел забыться тяжелым, полным бессвязных кошмаров сном, вздрогнул и открыл глаза.

Явь, внезапно навалившаяся со всех сторон, оказалась настолько хуже той кошмарной бессмыслицы, которая присутствовала в его тяжелом забытьи, что Олег моментально расстался с одурью сна. Низкий потолок камеры, решетчатая дверь, набранная из побитых ржавчиной металлических прутьев в палец толщиной, и доносящиеся со всех сторон, отнюдь не ласкающие слух звуки живо напомнили ему, где он находится.

Несколько минут Олег лежал, бессмысленно уставившись в низкий потолок камеры. Его вдруг охватила такая безысходность, такая подавленность, что, казалось, жить дальше незачем и сил на это попросту нет…

Из состояния оцепенения его вырвал резкий, режущий по нервам скрип повернувшейся на петлях двери.

— КХ-157, на выход! — раздался ровный, безликий голос.

В первый момент Олег не понял, что слова обращены именно к нему, — тюремный номер, присвоенный капитану Лепетову в фильтрационном лагере для военнопленных, еще не обрел в его сознании удручающего звучания собственного имени.

— На выход! — повторил тот же голос.

Олег, не меняя позы, повернул голову.

В дверях его камеры стоял киборг. О том, что это была женщина, напоминали разве что легкие выпуклости нагрудной брони, да еще тонкое строение черт лица.

Она смотрела на него абсолютно равнодушно, как смотрит на человека обыкновенное электронное устройство, снабженное системой визуального восприятия. Человеческий облик не мог обмануть Олега, он и раньше имел дело с киборгами, а потому знал, как нужно отличать их от живых людей. «Однако, — отметил про себя Олег, вставая с жесткого топчана, — это не то, с чем мне приходилось сталкиваться до сих пор…»

Кожа киборга отливала натуральным цветом живой плоти и внешне

совсем не походила на скверную подделку из синтетического материала, которым обычно обтягивались кибернетические подобия человека. Более того, проходя мимо застывшей у дверей его камеры фигуры, Олег с некоторым смятением понял, что та дышит.

Удивляться дальше и анализировать увиденное он не смог по самой прозаической причине — стоило ему перешагнуть порог камеры, очутившись на узком балконе с низкими сварными перильцами, как его внимание тут же переключилось на вещи, куда более неприятные, чем созерцание новой модели человекоподобной машины.

Заключенных было множество, наверное, сотни три, не меньше, и все они выходили из своих узилищ, выстраиваясь по периметру балконов лицом к квадратному провалу. Олегу, который замешкался на выходе, волей-неволей пришлось сделать то же самое. Ствол импульсной винтовки грубо ткнул его в спину, и Лепетов был вынужден взмахнуть руками, чтобы случайно не перелететь за низенькое ограждение…

Внизу, под ярким светом рефлекторных ламп, расхаживал, ожидая конца построения, однорукий офицер. Один рукав его серой униформы был демонстративно заткнут за пояс. В левой руке, кисть которой, судя по всему, представляла собой протез, он держал нейросенсорный хлыст.

Дождавшись, пока заключенные закончат построение, он поднял голову, окинул хмурым, не предвещающим ничего доброго взглядом периметр пятнадцати балконов и произнес:

— Доброе утро, господа.

Непонятно, что было заложено в этих словах, — тщательно выверенная издевка или врожденная манера общения. «Господа», большинство из которых только этой ночью очнулись от сверхглубокого низкотемпературного сна, угрюмо смотрели на него в гробовой тишине, ожидая продолжения.

— Рад приветствовать вас на борту нашего спецучреждения. — Офицер медленно, тягуче выговаривал слова, прохаживаясь по квадратному плацу нулевого уровня, и Олег понял, что в прошлом он был сильно контужен. — Вы находитесь на станции «Эрадзия», которая в данный момент отбуксирована на орбиту планеты Дион. — Многим из вас будет полезно знать, что война закончилась пять лет назад полной и безоговорочной капитуляцией Земли.

При этих словах по балконам пробежал легкий ропот.

Внутри у Олега что-то оборвалось, породив ощущение могильного холода.

«Бог мой, пять лет!.. Неужели я столько проспал в криогенном

гробу?!»

— Большинство из вас являются военнопленными, — продолжал констатировать факты однорукий офицер. — Ту часть уголовного сброда, которая присутствует здесь, я в расчет не беру…

— Ты кусок дерьма, заткни свою пасть!.. — раздался откуда-то сверху резкий голос, за которым внезапно последовали неясные звуки короткой борьбы, и протяжный, леденящий душу крик вдруг затравленным эхом метнулся меж стен квадратного пятнадцатиэтажного колодца.

Чье-то тело промелькнуло в воздухе и с отвратительным, влажным стуком ударилось об пол нулевого яруса.

— Сэр, он пытался оказать сопротивление, — донесся сверху ровный голос киборга.

Офицер в гробовой тишине посмотрел вверх, на балкон, откуда только что сорвался заключенный, и спокойно заметил:

— Каждый из вас, господа, волен выбирать свой собственный способ отбытия в ад. — В его спокойной вежливости сквозило что-то зловещее, гораздо более сильное и глубокое, чем обыкновенная ненависть к тем, кто взирал сейчас на него с высоты балконов. — Но я повторюсь: большинство из вас военнопленные, и это несколько меняет дело. Во-первых, после окончания войны, как я уже говорил, минуло пять лет. Во-вторых, адмирал Воронцов объявил амнистию. Она затронула в основном рядовой состав из числа тех, кто воевал против колоний на стороне Земного Альянса. Все они тем или иным способом получили свободу и право на собственную жизнь в колониях. Иное дело — офицеры, — зловеще добавил он. — Рядовые солдаты, исполнявшие под вашим началом роль пушечного мяса в борьбе Земли и Колоний, амнистированы, а как быть с теми, кто *осознанно* вел эту человекоубийственную войну?

Офицер остановился рядом с распластавшимся на полу телом и вдруг жестко заключил:

— Вам тоже, к моему сожалению, предоставлен шанс жить дальше. — Он поднял голову и уточнил, впервые позволив улыбке тронуть свои губы: — Вы сможете в конечном итоге получить свободу, но при выполнении определенных условий. Под нами сейчас находится планета Дион, которая была оккупирована войсками Альянса в самом начале войны. Вернее сказать, колонизирована… До появления тут войск нашей прародины на Дионе не существовало никаких поселений. — Он усмехнулся еще раз и пояснил: — На мой взгляд, биосфера планеты была попросту изнасилована вашими экзобиологами в самом нехорошем смысле данного термина. Сюда сбросили стерилизующие бомбы, после чего

инженерные подразделения Альянса начали строительство нескольких хорошо укрепленных планетарных баз, предназначенных для стационарного ремонта космических кораблей. Позже сюда были добавлены заводы по производству машин андроидного типа и фабрика химических компонентов для жидкореактивного топлива. В конце войны наши войска произвели орбитальную зачистку, разбомбили заводы и космопорт, но до штурма планетарных баз дело не дошло: гарнизон Диона вовремя капитулировал, и те, кто согласился сдаться, были подобраны.

Он помолчал, прохаживаясь взад и вперед по квадратному плацу. Очевидно, офицер ждал, пока информация о планете найдет свое место среди растерзанных мыслей нескольких сот узников.

Олег, как и большинство присутствующих на балконах заключенных, уже понял, к чему клонит этот человек. Расчет был дьявольским… но в то же время он не мог отрицать, что в нем присутствовала толика исторической справедливости… Хотя кому от этого станет легче?..

Его мысли нарушило продолжение монолога:

— Стерилизующие бомбы в основном убили микрофлору Диона. Большинство более крупных биологических форм выжило, но эти существа неприятнейшим образом видоизменились, мутировали под воздействием ваших варварских биологических препаратов, — доверительным тоном сообщил аудитории офицер. — Не скрою, свою лепту сюда внесла и орбитальная бомбардировка химических производств, но это, на мой взгляд, было лишь каплей в море проблем. К сожалению, старшие чины гарнизона не присоединились к пожелавшим капитулировать рядовым бойцам. Поэтому нам неизвестны коды управления брошенных внизу систем планетарной обороны. Сейчас все это смешалось в довольно причудливую, на мой взгляд, кашу: мутировавшая жизнь, боевые кибернетические системы, рубежи обороны планетных баз, а также горы покореженного и уже непригодного к дальнейшей эксплуатации железа. Поверхность Диона, мягко говоря, изгажена до полнейшего безобразия, но война закончилась, идет строительство мирной жизни, и находящаяся под нами планета заявлена на будущий год в список миров для повторной колонизации.

Его слова звучали в звонкой, практически осязаемой тишине. Их страшный смысл витал меж ржавых этажей базы, находя самый противоречивый отклик в душах тех, кто стоял в немом оцепенении вдоль низеньких перил пятнадцати балконов.

— Вы нагадили на этой планете, господа, и будет вполне справедливо, если теперь вы сами станете убирать за собой. На самом деле, хотя внизу

вас ожидает множество опасностей, но, по моему мнению, вам предоставляется достаточно неплохой шанс выжить и обрести свободу. Ведь подавляющее большинство из вас военные, верно? — Он задрал голову и посмотрел вверх с вызывающей улыбкой на тонких бледных губах. — Мы не можем позволить себе бомбить Дион. Хватит перепахивать планеты орбитальными ударами. Внизу, на ваше счастье, всего один материк, и он должен быть зачищен от той дряни, которая живет или функционирует на его поверхности, а также и под ней. Норма на одного заключенного — двадцать квадратных километров. Вы будете разбиты на отдельные группы по десять—пятнадцать человек. Каждому такому подразделению мы придаем один самодвижущийся утилизатор отходов, один почвоукладчик и четверых киборгов охраны. Как только группа заканчивает очистку предназначенного ей участка, все, выжившие автоматически получают свободу, гражданские документы и вид на жительство в одной из новых колоний. Также с уцелевших внизу будут сняты все обвинения.

Он помолчал, ожидая, пока наверху стихнет слабая волна ропота, и добавил, нет, скорее вытолкнул сквозь зубы:

— Желаю вам приятно сдохнуть, господа.

Развернувшись, офицер вышел, исчезнув в боковой двери.

Это послужило сигналом для киборгов. По периметру пятнадцати балконов зазвучали их холодные, уверенные голоса, повторяющие одну и ту же фразу:

— Всем заключенным вернуться в камеры! Двигаться в затылок! Голову не поднимать! Разговоры запрещены!

Вокруг Олега пришла в движение людская масса. Ему вольно или невольно пришлось последовать ее напору — балкон был настолько узок, что на нем едва могли разминуться два человека. Он не успел опомниться, как очутился перед своей конурой и был грубо водворен в нее толчком в спину.

Протяжно всхлипнули петли, дверь с лязгом затворилась.

Он сел на топчан и закрыл руками лицо.

В отличие от большинства заключенных, Олег Лепетов знал, что представляет собой брошенная планетарная оборона, у которой никто не удосужился снять компьютерное управление боевым режимом.

Это был сумасшедший кибернетический ад, в котором не выживет никто…

* * *

Олег плохо помнил, как именно прошел первый день на борту «Эрадзии».

Он долго сидел на голом, жестком топчане своей камеры, медленно погружаясь в мрачные, совершенно безысходные мысли о ближайшем будущем, потом к дверям подошел кто-то из персонала станции, просунул в щель под дверью какое-то пойло в пластиковой миске, а заодно сообщил ему, сверившись с электронным планшетом, что Лепетов зачислен в группу номер семнадцать и высадка состоится утром следующего дня.

Олег с полным безразличием выслушал его, зачем-то кивнул, а затем, взяв с пола чашку, понюхал ее содержимое.

Желудок тут же отозвался мучительным, тошнотворным спазмом.

Он торопливо поставил чашку назад на пол и еще несколько минут сидел, зажав ладонями рот.

Наконец дурнота отпустила, и он лег.

Голова кружилась, мысли, одна другой хуже, теснились в голове, не давая сосредоточиться на чем-то конкретном. Он просто лежал, смотрел в потолок и постепенно, измученный предчувствиями и догадками, незаметно уснул…

Сколько он проспал, Олег, естественно, не знал, но, видимо, его организм нуждался в отдыхе после выхода из анабиоза. Спал он крепко, словно убитый, и на этот раз не видел ровным счетом никаких снов.

Очнулся он от шума.

Открыв глаза, Олег с удивлением ощутил себя отдохнувшим, свежим, только спина затекла от неудобной позы и жесткого ложа.

Кряхтя, он сел, прислонился затылком к холодной, шершавой стене камеры и затих, ожидая, когда восстановится кровообращение в сведенных судорогой мышцах.

За дверью опять горел рассеянный голубоватый свет, должно быть, по расписанию на станции уже наступила ночь. Звуки, которые раздавались в сторожкой тишине, заставили его прислушаться. Где-то рядом, может быть, на его этаже, а может, чуть ниже или выше, слышалась отчетливая матерная брань, но не она привлекла внимание Олега, его поразил иной звук, совершенно непохожий на что-либо, слышанное им раньше…

Бум… Бум… Бум… Бум… Бум… — затем короткая пауза и снова: Бум… Бум… Бум… Бум… Бум…

— Сука, что ж ты по нервам скребешь, падла! — чей-то озлобленный крик.

Бум… Бум… Бум… Бум… Бум… Звук приближался, будто его источник двигался по направлению камеры, в которой находился Олег.

Он сидел, полуприкрыв глаза, и слушал его, вперемешку с бранью и отрывистыми репликами, часть из которых он мог разобрать, а часть — нет.

— Ее специально так запрограммировали, сволочи!.. — выкрикнул чей-то голос в ответ на очередной поток невнятной брани.

Стук продолжал звучать. Он был монотонным, равномерным, каждая серия несла по пять ударов, после которых наступала короткая пауза.

— Ну погоди, завтра скинут вниз, там увидишь, тварь!.. — грязно ругаясь, грозился кто-то невидимый.

Когда странный звук приблизился совсем, Олег открыл глаза.

Ему вдруг стало любопытно, что же это такое на самом деле?

В призрачном, голубоватом свете подвешенных далеко вверху дежурных ламп на дверь его камеры легла едва заметная тень, затем в поле зрения появился киборг.

Выражение худого бледного лица охранницы было равнодушно-отсутствующим. Так может выглядеть пациент психиатрической клиники, совершенно невменяемый и не воспринимающий окружающее. Она шла ровным, прогулочным шагом, ведя резиновой дубиной, которая была зажата в ее левой руке, по прутьям камер.

Бум… Бум… Бум… Бум… Бум… Резиновая палка пересчитала прутья на двери лепетовской каморки. Дальше был тупик. Киборг дошла до него, медленно развернулась и, не меняя выражения лица, двинулась в обратный путь.

Глубокая тишина, в которой смутным эхом отдавались шаги, длилась минут пять.

Потом снова возник этот монотонный, изматывающий нервы звук — Олег понял, что киборг дошла до противоположного тупика, развернулась, и ее дубинка опять обращена к решетчатым дверям камер.

«Действительно, что ли, запрограммирована? — подумалось Олегу. — Но какой смысл не давать нам спать в ночь перед высадкой?..»

Смысла в таких действиях он не находил.

Что же до однорукого начальника «Эрадзии», то его явную, неприкрытую ненависть к пленным офицерам Земного Альянса можно было если не оправдать, то понять…

Война искалечила всех, в той или иной степени, и порой раны внутренние оказывались намного болезненнее тех, от которых страдала плоть. Судьба же этого офицера, который командовал переоборудованной под тюрьму старой орбитальной станцией, вообще казалась Олегу столь ясной, будто лежала на его ладони. Куда деваться калеке, который умел лишь одно — воевать?

Извечная, неизбывная трагедия всех времен и народов — оставшиеся не у дел, искалеченные солдаты.

Нет… Олег не мог держать зла на этого человека. Не по своей воле таскался он на борту данной станции из системы в систему, копя и умножая собственную ненависть, подпитывая ее длинной вереницей перепаханных Галактической войной миров. У него просто не осталось иного жизненного выбора, и неизвестно, кто из них двоих более жестоко приговорен к заключению…

Звук, взбудораживший все пятнадцать этажей, возобновился, прошел свой путь в тридцать с лишним рокочущих отрезков, добрел до тупикового аппендикса, в который выходила дверь камеры Лепетова, и остановился.

Олег, которому удалось на некоторое время отрешиться от гнетущей реальности, погрузиться в свои мысли, вздрогнул, осознав, что слишком долго не слышит ни рокочущего звука, ни гулких шагов.

Подняв голову, он увидел, что киборг-охранник стоит точно напротив его камеры, заглядывая через вертикальные прутья решетки внутрь.

Олег на мгновение оторопел. В бледно-фиолетовом сумраке угадывались лишь общие контуры землисто-серого худого лица с заострившимися чертами, и в душе Лепетова опять шевельнулся червячок вполне здравого сомнения: разве *так* должен выглядеть только что сошедший с конвейера человекоподобный робот?

Разум подсказывал, что — нет, а душе, погруженной в собственные проблемы, в первый миг оказалось, по сути, все равно… Ну какое ему дело до данного *существа*, даже если она и не киборг? Что это меняет? Бежать было некуда, да и незачем, так что…

Мысль Олега опять болезненно споткнулась, когда он понял, что охранница смотрит вовсе не на него, взгляд расширенных глаз был направлен чуть левее.

Лепетов невольно проследил за ним и содрогнулся.

Она, не отрываясь, смотрела на заскорузлый кусок хлеба, что был выдан ему вместе с вонючей баландой!..

Олег так и не стал его есть, чувство голода уже притупилось и не казалось настолько острым, чтобы преодолеть природную брезгливость.

Киборг не произнесла ни слова.

В ее расширенных глазах не было мыслей, в них царила странная пустота, а взгляд…

Нет, ее никто не программировал идти вдоль камер, медленно, отрешенно ведя концом резиновой дубинки по прутьям решеток.

В ее глазах была растерянность… там был страх, непонимание и…

голод. Обыкновенный человеческий голод, вот почему этот кажущийся в первые секунды пустым взгляд так тягостно сочетался с ее худыми, заострившимися чертами…

Лепетов вообще перестал что-либо понимать. Если она киборг, то их, наверное, кормят каким-то особым способом, быть может, таблетками или специальными инъекциями? Оболочка живой плоти, надетая на *механический эндоостов*, все равно должна получать какую-то подпитку, иначе живые ткани просто умрут…

«Вероятно, ее по каким-то причинам забыли или не смогли снабдить нужным количеством протеинов…» — подумалось Олегу, но легче от такой мысли не стало. Ледяное молчание, смутно уловимые черты в призрачном фиолетовом сумраке и этот пронзительный, голодный взгляд трудно было перенести, по крайней мере ему.

Более того, в этот краткий миг он внезапно представил, как идет эта несчастная, абсолютно потерянная, раздираемая лишь ей ведомым сонмом *не присущих* машине чувств, машинально ведя концом резиновой палки по прутьям решеток, и ему стало совсем неуютно.

Рука Лепетова сама потянулась к черствому куску хлеба. Он не колебался ни секунды, лишь внутри жило напряженное опасение, а вдруг это какой-то подвох?

Он взял хлеб, медленно поднес его к решетке, следя за тем, как ее взгляд неотрывно следует за его рукой, коснулся пальцами холодных шероховатых прутьев, и…

Она одним стремительным движением схватила протянутый ей кусок и отпрянула в темноту тупикового отростка коридора…

Минуту или две он не видел ее. В тупике, подле люка плавала густая, чернильная тьма, но, когда спустя пару минут оттуда вновь прорезался контур ее фигуры, в руках киборга было только оружие.

Она опять остановилась напротив его камеры, но теперь ее взгляд казался более осмысленным, словно он протянул ей не хлеб, а частицу каких-то жизненно важных воспоминаний, кусочек погибшей памяти…

Несколько секунд она смотрела на него, будто силилась что-то вспомнить, а затем едва слышно, запинаясь, прошептала:

— Меня… зовут… Эллен…

Олега словно током ударило. На секунду он даже онемел от изумления, а когда пришел в себя и открыл рот, чтобы ответить, ее уже не было у дверей камеры, только по гулкому покрытию металлического балкона звучали неровные, сбивающиеся с ритма шаги…

За весь остаток бессонной ночи она так больше и не зашла в его

тупиковый отрезок коридора.

Стук дубинки о прутья решеток более не возобновлялся.

Глава 3

Разве могли они что-то обсуждать?

Олег хорошо понимал, что — нет. Да он и не собирался бунтовать. В этом бунте он не видел ни смысла, ни перспективы. Зачистка Диона состоится так или иначе, а его личная судьба, как отдельно взятого человека, тут не интересовала никого в принципе.

Как сказал тот однорукий офицер, каждый из них был волен выбирать собственную дорогу в ад — будь то короткий бросок через низенькие перила балкона или попытка выжить внизу…

Утром, едва под потолком «холла» зажегся свет, Олег, измученный, а еще больше — озадаченный событиями бессонной ночи, услышал, как со скрежетом открываются двери камер. Но теперь это не было всеобщим построением. Шум раздавался на том этаже, где сидел Лепетов. Топот ног, брань и окрики двигались по направлению к его камере.

— На выход!

Очевидно, в расчеты вчерашнего офицера вкралась какая-то ошибка. Очутившись на балконе, Олег обнаружил общество из шести заключенных и двух киборгов.

— Вперед!

Они гуськом потянулись по балкону, в середине которого располагалась решетчатая клеть грузового подъемника.

Пока клеть, подрагивая, ползла вниз, к нулевому ярусу, Олег волей-неволей разглядывал лица тех, кому, вероятно, в ближайшие часы суждено было стать его боевыми товарищами.

Двое из шестерых мужчин произвели на него тягостное впечатление. Это было интуитивное предчувствие офицера, много работавшего с новобранцами.

У этих двоих отсутствовала явная худоба и землистый цвет кожи. Оба были небриты, впрочем, как и все остальные, но держались несколько особняком, сторонясь как киборгов охраны, так и своих собратьев по несчастью, из чего Олег сделал незамысловатый, но верный вывод — эти двое не являлись военнопленными. Они держались с подчеркнутой независимостью, и в их движениях, позах, мимике читалось презрительное пренебрежение к худосочным «скелетам из морозильников», как называли между собой военнопленных те, кто попал на «Эрадзию» не вследствие войны, а за какие-либо преступления.

Остальные четверо были схожи между собой и действительно худобой лиц смахивали на узников древних концлагерей. Объяснялось такое истощение просто: криогенные камеры, в которых транспортировали и «хранили» заключенных, как правило, являлись оборудованием «второго сорта», то есть побывавшим в употреблении, а во многих случаях даже списанным. Процессы низкотемпературного сна в таких условиях редко протекали как положено, и организму, чьи биохимические реакции были замедлены в тысячи раз, все же приходилось прилагать собственные усилия, восполнявшие сбои и неадекватную работу систем жизнеобеспечения. Как следствие — за пять—шесть лет такого сна организм доводил себя до состояния заметного истощения.

Клеть грузового подъемника с лязгом остановилась.

Сопровождавшие группу киборги распахнули сетчатые створки дверей и встали по бокам.

— Семнадцатая группа — прямо по коридору! — раздался в скрытом от глаз динамике интеркома чей-то не терпящий возражений голос.

Группа узников, двигаясь в затылок друг другу, втянулась в широкий тоннель, оканчивающийся массивными створами плотно сомкнутых ворот.

Шагая по коридору, Олег вдруг поймал себя на мысли, что продолжает думать о ночном происшествии, мысленно пытаясь угадать, куда же подевалась его новая знакомая. Откровенно говоря, он, коротая остаток ночи в мучительной бессоннице, думал, что она окажется среди тех четверых охранников, которые были обещаны каждой группе одноруким офицером…

Пока он размышлял, в створах ворот открылась небольшая дверь, за которой просматривалось пространство внутреннего космодрома с двумя ложементами стартовых катапульт.

Их группа под предводительством двух человекоподобных машин проследовала вовнутрь. Олег поймал себя на мысли, что в своем воображении он почему-то успел разграничить их по неравным категориям. Имел ли ночной инцидент какой-то здравый, практический смысл, или то была просто случайность, странный вывих неправильно установленной программы, — этого он не знал, но такова, видно, природа человека, а особенно человека, попавшего в условия, морально для него тяжелые, — душа, если она все еще жива, ищет малейшие отдушины в окружающем, пытается делать какие-то, порой нелепые, иллюзорные выкладки, лишь бы противопоставить что-то суровой реальности, смягчить ее, очеловечить…

Задумавшись, он едва не налетел на спину впереди идущего.

Спускаемый модуль, который в данный момент был закреплен на

массивном стартовом ложементе электромагнитной катапульты, выглядел так, словно его только что притянули сюда со свалки, где прессуют старые, отжившие свое машины. Впрочем, такая догадка вернее всего была недалека от истины.

Но самое скверное произошло минутой позже, когда киборг, сверившись с вмонтированным в ложемент монитором компьютерного терминала, вдруг произнес ровным голосом:

— КХ-157, КХ-234 — в кабину, остальным в транспортный отсек, живо!

В этот краткий миг замешательства Олег успел пожалеть, что пять лет назад, заполняя анкету в приемнике фильтрационного лагеря, он в графе военных специальностей ко всему прочему занес сведения о своей квалификации пилота спускаемых аппаратов.

Рядом с ним приблизительно то же самое испытывал низкорослый, тощий пожилой мужчина с маленькими, покрасневшими глазами и печальным выражением лица. Олегу он почему-то напомнил их бортового медика, который вечно вздыхал с точно такой же скорбной миной.

— В кабину! — раздался за их спиной голос киборга.

Олег с обреченным чувством полез внутрь, а его новый напарник замешкался, за что получил удар прикладом между лопаток.

В тесной кабине, на ободранных противоперегрузочных креслах была разложена нехитрая, порядком поношенная экипировка вековой давности. Олег еще накануне подозревал, что их экипируют всяким старьем, но то, что он увидел, превзошло самые мрачные предположения. Им даже не удосужились выдать скафандры и нормальное оружие, на креслах лежали обыкновенные общеармейские бронежилеты, каски, снабженные дугами коммуникационных устройств, а поверх всего этого барахла были демонстративно уложены укороченные штурмовые автоматы, произведенные на свет еще до наступления эры импульсного оружия.

— Спаси господи… — невнятно пробормотал второй загнанный киборгами в кабину узник, исподволь покосившись на Лепетова, который с мрачным видом натягивал на себя доисторический бронежилет из волокончатого кевлара. Не найдя сочувствия в мрачном, словно окаменевшем взгляде Лепетова, он со вздохом натянул нехитрую экипировку и угнездился в кресле.

Олег уже разглядывал приборную панель спускаемого аппарата, на которой ровно светились десятки индикационных окошек, отражавших в своих показаниях состояние бортовых систем.

— Как зовут-то? — спросил он у второго пилота, который ерзал в

кресле, пытаясь поудобнее устроить в нем свое тщедушное тело.

— Павел, — вскинув голову, ответил тот и тут же поправился: — Отец Павел. Гнедышев.

Олег невольно повернулся:

— Священник?

— Да.

— А как ты угодил сюда? — ничего не понимая, переспросил Олег.

— Я служил на крейсере «Апостол Петр».

— Кем? — хмуро поинтересовался Лепетов. Его настроение, и так неважное, падало с каждой секундой. Ему уже серьезно начинало казаться, что их вылазка окончится задолго до того, как этот проржавевший хлам коснется своими посадочными опорами твердой земли.

— Священником и служил. А на вашем корабле что, не было духовного лица?

— Был, — криво усмехнулся Олег. — Только я к нему не захаживал. Давай, отче, кончай размазывать сопли по пульту. Ты действительно пилот или где-то сбрехал в анкетах?

Лицо Павла помрачнело.

— Солгал я… Грешен…

Олег мысленно выругался, но вслух произнес совсем другое:

— Тогда молись про себя и не мешай мне, понял?

Павел кивнул, съежившись в кресле. То ли не верил в вечную жизнь после смерти, то ли бренное тело со своими страхами взяло верх над духовным началом, но он с благодарностью посмотрел на Олега, пальцы которого уже бегали по переключателям пульта.

Если бы Лепетов сейчас доложил по форме, то ему, несомненно, дали бы нового напарника, который действительно мог управлять спускаемым модулем, но этого горе-капеллана шлепнули бы непременно, прямо тут, у трапа…

Нет, хоть Олег и не верил в бога, но допустить подобного оборота событий он не мог… Стучать на товарища, с которым через пару часов хлебать внизу смерть одной ложкой, — последнее дело…

Вместо этого он посмотрел на датчики готовности и проговорил в коммуникатор, укрепленный на тонкой стальной дуге у самых губ:

— Внимание в отсеках! Предварительная готовность. Сейчас будет закрыт главный шлюз!

«Выкрутимся… Не впервой…»

На пульте управления вспыхнуло еще несколько предупреждающих сигналов, а на включенных экранах внешнего обзора панорама внутреннего

космодрома станции «Эрадзия» внезапно пришла в движение — это ложемент стартовой катапульты с закрепленным на нем десантным модулем начал разворачиваться. Одновременно пришли в движение мощные гидравлические домкраты, приподнявшие нос челнока так, что тот оказался нацелен точно в отверстие ствола пусковой шахты.

— Внимание, Борт-17, ваша катапульта заряжена.

— Борт принял, — ответил Олег.

Корпус челнока содрогнулся. Подающие моторы ложемента завибрировали, подталкивая спускаемый аппарат в ребристое чрево электромагнитной катапульты.

Длинная труба, похожая на оружейный ствол, оканчивалась массивным, плотно закрытым люком. Челнок вошел в шахту ускорителя, как пуля в канал ствола, и за его кормой плотно закрылась герметичная диафрагма.

— Десять секунд. Замки наружного люка отошли… Пилот, приготовиться… пять секунд… три…

Расположенный впереди люк, запиравший выход из шахты, внезапно раскололся на остроугольные сегменты, которые почти мгновенно разъехались в стороны.

В космос выметнуло мутное облачко замерзшего воздуха.

Олег, поглощенный своими ощущениями, не слышал, как голос оператора произнес последнюю цифру обратного отсчета, — сокрушительная динамическая перегрузка от срабатывания стартовой катапульты ударила по мышцам, распластала его по креслу, и навстречу экранам ринулся космос: бездонная, льдисто-черная бездна, в которой висел мутно-коричневый шарик планеты Дион…

* * *

В первые секунды после динамического удара Олегу показалось, что сама Вселенная встала на дыбы. Что-то не заладилось в разбалансированном механизме катапульты, и старенький челнок закрутило на выходе из стартового ствола, да так, что звезды на экранах обзора ринулись по кругу…

Лицо Павла позеленело.

Пока Олег боролся с двигателями ориентации, пытаясь прекратить вращение корабля и стабилизировать синусоидальную траекторию, по которой их спускаемый модуль приближался к грязно-коричневому покрывалу облачности, он сидел, дико вытаращив глаза и зажав рот ладонями обеих рук.

— Не спи! — дошел до него окрик Лепетова. — Свяжись с отсеком, узнай, все ли в порядке?!

Бывший корабельный капеллан судорожно сглотнул, кивнув в ответ на полученную команду. С трудом отняв от лица мелко дрожащие пальцы, он перекинул несколько тумблеров на пульте, поставив их в положение «включено».

Нужно сказать, что челнок, как и все военное оборудование, обладал минимумом удобств и максимумом надежности. Ни о каких псевдосенсорных клавиатурах и прочих технологических наворотах не стоило даже и вспоминать. Здесь использовались малоэстетичные, но проверенные временем узлы.

Звезды на экранах описали очередной круг, но уже медленнее, чем минуту назад. Скачкообразные перегрузки по-прежнему больно били по мышцам, срывая пальцы с переключателей и отдаваясь в затылке пульсирующей болью.

— Отсек, на связи рубка, вы живы?

Несколько секунд в динамиках висела тишина, потом словно прорвало. Раздался поток непереводимой брани.

Лепетов выдавил ухмылку на своем отекшем от перегрузок лице. Кто-то обещал придушить его после посадки.

— Кто в кормовом блистере? — хрипло осведомился он.

Ему ответила тишина.

— Я спрашиваю, кто прикрывает корму?

Очевидно, что никто из пятерых сотоварищей не рискнул лезть в тесный, полупрозрачный купол из армированного сталепластика, в котором была установлена турель вакуумных орудий.

— Пусть эти сучки лезут… — наконец огрызнулся по связи чей-то голос. — Их работа.

«Киборги заперлись в кормовом отсеке… У них, наверное, другие инструкции…» — подумал Олег, чувствуя, что он уже почти совладал с кораблем.

— Разбирайтесь как хотите, но кто-то должен прикрыть посадку из блистера, — резко ответил он. — Внизу система планетарной обороны. Мы не на прогулке, а я не господь бог, Фрайг вас всех раздери!

Ему опять не ответили. Похоже, что связь была отключена из отсека.

«Идиоты…» — подумал Олег, пытаясь сосредоточиться на управлении.

Наконец дикое, калейдоскопическое коловращение звездных огоньков на экранах прекратилось, перегрузки внезапно схлынули, осталось только

равномерное ускорение, которое уже не терзало тело, а лишь слегка прижимало его к поверхности кресла.

Грязно-коричневое покрывало облачности, означавшее границу атмосферы Диона, медленно приближалось, распухая до всеобъемлющих размеров.

Челнок шел по касательной к планете, его скорость была велика. Олег, затратив время на борьбу со спонтанным вращением, упустил расчетную точку торможения и теперь наблюдал, как на экранах обзора обозначилась неяркая пока аура — это первые молекулы воздуха уже начали соприкасаться с броней спускаемого аппарата.

— Приготовиться к перегрузке! — на всякий случай предупредил он, хотя подозревал, что связь между рубкой управления и грузопассажирским отсеком оборвана.

Однако в этом он ошибся.

— Мы готовы, — внезапно пришел по связи спокойный ответ. — Все недоразумения улажены. Личный состав пристегнут. Один человек дежурит в блистере.

Олег не успел познакомиться со своими новыми товарищами и сейчас не мог даже гадать, кому из троих бывших офицеров принадлежит этот чуть надтреснутый голос, но мысленно он поздравил его с внушительной победой, ведь, кроме троих доходяг-военнопленных, в отсеке присутствовали двое дюжих, здоровых уголовников, и призвать их к дисциплине казалось ему номером если не дохлым, то трудноисполнимым.

Ровно через секунду, когда включился тормоз—снаряд и ослепительное пламя истекающей плазмы затопило обзор, все посторонние мысли буквально вымело из головы Лепетова.

Он больше ничего не видел и не слышал.

В мире остался только он, мерцающие датчики приборов да мутная атмосфера.

* * *

Старенький, видавший виды челнок вошел в атмосферу Диона, падая в размытую линию терминатора.

Лепетов сверился с тусклыми, мерцающими датчиками приборов и невнятно чертыхнулся: расчетная точка посадки находилась на ночной стороне планеты.

Здешнее солнце, словно издеваясь, сверкнуло из-за шара планеты, послав вдогонку крохотному кораблю сноп своих лучей в виде серпообразной полоски зари, затем вокруг резко потемнело, лишь датчики

приборов засветились ровнее, четче, но их розовая и изумрудная подсветка не успокаивала, а, наоборот, подстегивала воображение…

Внизу, под черным, зловещим покрывалом облаков, лежала неизвестная, напичканная железом земля.

— Блистер, крути головой, сейчас пройдем облачность!

Олега неприятно мотало в кресле. На своего второго пилота он не мог смотреть даже украдкой, на подобную ерунду уже не хватало времени. Челнок нещадно болтало в неразведанных воздушных потоках, половина приборов обнаружения не работала или же делала это из рук вон плохо, и оттого у Лепетова сложилось неприятное, граничащее с обыкновенной паникой чувство, что уже не он управляет ситуацией, а его величество случай рулит челноком…

…Через минуту или две на экранах немного просветлело, и Олег с облегчением понял, что они прошли слой густых, напитанных влагой облаков.

Под пеленой туч царило сумрачное пространство, полное неясных очертаний далекой земли. Вдалеке, у самого горизонта, несколько раз пробежал зыбкой полосой и исчез какой-то отраженный свет. Сверившись с показаниями немногих приборов и компьютерной картой, Лепетов понял, что в той стороне раскинулся океан. Их квадрат лежал чуть поодаль, в глубине материка, и он, сообразуясь со своим представлением о лежащем внизу рельефе, откорректировал курс…

На высоте двух километров наконец заработал компьютерный сканер-картограф, и Олег испытал неимоверное облегчение, увидев вздутую возвышенностями сетчатую модель рельефа.

Точка десантирования, заранее занесенная в компьютерную базу данных челнока, замигала на самом срезе экрана пульсирующей алой искоркой.

«Километров двадцать пять…» — мысленно прикинул Лепетов.

Сбоку от него завозился в своем кресле Гнедышев.

— Олег, там внизу, смотрите!.. — предупреждающе воскликнул он, но Лепетов уже и сам видел: под ними внезапно возникло несколько злобно помаргивающих точек, мимо, словно рой ослепительных светляков, пронеслись какие-то росчерки огня, и ночные небеса прочертил отчетливый вой.

Веер неуправляемых ракет разминулся с челноком, ушел выше, и в небесах, под тучами, нервно зарокотала серия частых, ослепительных вспышек.

В ответ вниз потянулась ниточка сдвоенных росчерков — это

огрызнулась, заработала блистерная турель челнока. Ниточки снарядов полоснули по темной, затаившейся земле, побежали по ней чередой световых всплесков, будто внизу кто-то часто замигал карманным фонариком, но эта иллюзия мгновенно рассеялась, как только там вспыхнуло несколько деревьев и жадный огонь взметнулся по их ветвям, осветив поверхность Диона примерно на километр.

С высоты все это выглядело безобидно, даже забавно, будто кто-то чиркнул спичку над миниатюрным макетом местности…

Деревья, по которым прошлась очередь вакуумной турели, ютились редколесьем на склоне пологого холма. У его подножия влажно поблескивало болото, окаймленное более плотной и темной стеной растительности. В глаза Олегу бросилась прямая, как стрела, дорога, руины зданий, знакомая, но уже порядком заросшая всякой растительностью разметка взлетно-посадочных полос, что-то похожее на уходящий под землю наклонный пандус, и…

Вспышки… Вспышки… Вспышки…

Словно чиркнувшая по земле очередь из вакуумной турели высекла из нее этот неистовый ответный огонь.

Не успел Олег испугаться, как снаряды гулко ударили в ветхую броню модуля.

* * *

В первый миг оглушенному пилоту показалось, что все кончено: судорога, прокатившаяся по корпусу челнока после серии попаданий, оказалась столь сильной, что от нее лязгнули зубы, а на экранах обзора скупо подсвеченный пожаром игрушечный рельеф вдруг опрокинулся, встал на дыбы и ринулся навстречу лобовым секторам…

Павел тихо охнул.

На пульте управления злобно бесновалась целая гамма аварийных огней, среди которых четко выделялись сигналы разгерметизации отсеков.

Олег, чувствуя, что рот наполняет солоноватая кровь от прикушенного во время удара языка, попытался перехватить управление, вырвать машину из спонтанного пике, но в первые секунды его попытки остались тщетны: рули высоты либо заклинило, либо оторвало, стоило ему коснуться переключателей, как приборы тут же расписались в собственном бессилии, отозвавшись болезненным писком и рубиновыми маячками повреждений.

Взглянув на показания альтиметра, Лепетов похолодел — ему были отпущены считанные мгновения.

Не раздумывая более, он перегнулся через подлокотник, дотянулся до

секции пульта, располагавшейся перед Гнедышевым, который сидел белый, как лист бумаги, и рванул рычаг аварийного планирования.

Все это не заняло и десяти секунд.

Олег слышал лишь надсаженный вой поврежденных турбин, потом вдруг этот вой истаял, прекратился, и наступила оглушительная тишина, в которой по нервам полоснул заунывный звук врывающегося в пробоины воздуха, спустя секунду к нему приметался скрежет, затем резкий хлопок, и Лепетов, пошевелив рулями, вдруг понял, что корабль вновь пытается среагировать на волю своего пилота.

Умная автоматика, подчиняясь команде, заглушила двигатели и выпустила из обшивки две пары расположенных одно над другим крыльев.

Через секунду поврежденный, лишившийся герметизации модуль уже не падал, а планировал, стремясь уйти за темную кромку чернеющего невдалеке леса.

Вслед поврежденной машине несколько раз моргнул лазер, но прицел был взят слишком низко, и поэтому пострадал лишь воздух, который, шипя, ионизировался вокруг рубиново-красного шнура когерентного излучения.

Несколько раз впустую прочертив темнеющие небеса, лазер наконец угомонился.

Модуль, накренясь на один борт, почти беззвучно падал на окраину болот.

* * *

Несмотря на выпущенные крылья, посадка все же больше напоминала падение. Прошитый в нескольких местах модуль, скользивший в черных небесах едва различимой, беззвучной тенью, тяжело перевалил через стену высоких деревьев, с хрустом подломив их макушки, и окрестности содрогнулись от его касания с зыбкой почвой болотистой низины.

В первый миг казалось, что сама земля услужливо расступилась под ним, и модулю уже никаким чудом не удержаться на поверхности, но это была лишь иллюзия, вызванная тяжелым, громоподобным хлюпаньем и двумя величественными выбросами вонючей болотной жижи, взметнувшимися из-под бортов поверженной машины.

Через минуту, когда по взволнованной поверхности болота с влажными шлепками отбарабанили последние комья выкинутой вверх грязи, наступила оглушительная тишина, в которой, если прислушаться, можно было различить, как потрескивает, шипит остывающий корпус челнока и как тихо журчит, стекая по его изъязвленным, дырявым бортам,

нагретая болотная вода.

Прошло некоторое время, прежде чем в верхней части спускаемого аппарата откинулся аварийный люк и оттуда вырвался тусклый конус рассеянного света.

В этом дрожащем, неверном освещении показалась человеческая фигура.

Со стонами и бранью человек скользнул вниз по горячей, курящейся паром обшивке челнока, упал на четвереньки, едва не захлебнувшись в черной болотной жиже, потом с трудом выпрямился и побрел к недалекому берегу болотины, обозначенному чередой заросших кустарником бугорков.

Вслед за ним с небольшим интервалом в освещенной утробе люка показались еще два человека. Эти чувствовали себя несколько лучше — они имели орудие и спускались, помогая друг другу.

Оказавшись по колено в мутной болотной жиже, один из них прошел вдоль корпуса челнока, остановился подле развороченных кормовых отсеков, с которых сорвало несколько секций наружной брони, и заглянул внутрь опустошенных воздушным потоком помещений через наиболее крупную пробоину.

В тусклом свете красной аварийной лампочки ему предстал хаос из обломков сорванных со своих мест грузовых контейнеров. Между ними, подле почвоукладчика, который имел более внушительные габариты, чем остальной груз, и, соответственно, оказался более прочно закреплен, в красноватом сумраке угадывались две изломанные фигуры киборгов.

Одна из них судорожно дергалась, пытаясь совершить какой-то конвульсивный набор движений. Второе тело лежало неподвижно, придавленное тяжелым грузовым контейнером с оборудованием.

Человек сплюнул в болотную жижу под ногами, поднял оружие и дал длинную, гулкую неэкономную очередь в глубь отсека.

— Задавись, сука… — с неизбывной злобой в голосе произнес он, потом обернулся и добавил, обращаясь к своему товарищу: — Валим отсюда…

Тот кивнул, не произнеся ни слова в ответ, только опасливо огляделся по сторонам, будто мог что-то видеть в окружившем упавший корабль плотном мраке.

Фигура на берегу, скорчившаяся под кустами, зашевелилась.

— Эй, вы куда? — Голос говорившего был слаб, надтреснут.

Тот, кто стрелял в киборгов, добрел до берега, остановился подле упавшего под кустами человека и небрежным ударом ноги перевернул его на спину.

— Тебя, падла, тоже кончить? — хрипло, с придыхом осведомился он и добавил: — Чтоб не мучился, доходяга, а?

В плотном сумраке ночи было невозможно различить черты лица лежащего на земле человека, был слышен лишь его слабый голос:

— Вы погибнете… Мы должны держаться вместе, чтобы выжить… разве непонятно… — Произнеся это, он зашелся долгим мучительным кашлем.

— Ну-ну… — Стоявший над ним уголовник покачал головой. — Ты и так сдохнешь, со мной или без меня. Нам не по пути…

С этими словами две фигуры скрылись в плотной тьме, удаляясь в том направлении, откуда по модулю вели огонь зенитные батареи комплекса планетарной обороны.

Брошенный ими человек немного полежал, пытаясь отдышаться после приступа изматывающего кашля, потом с трудом встал, выпрямился и, шатаясь, побрел назад, к модулю, из распахнутого люка которого по-прежнему пробивался неяркий рассеянный свет.

Глава 4

Холодный, промозглый рассвет занимался над болотами.

Над окнами черной стоячей воды поплыли полосы зыбкого тумана. В тишине из зарослей кустарника доносился утренний плач-песня какой-то пичуги.

Холод и сырость пробирали до самых костей. Из-за них не было никакой возможности спать. Отец Павел, который лежал, сотрясаясь от болезненного озноба под влажным одеялом, не выдержав, сел. Посмотрев по сторонам, он увидел Лепетова, который дежурил на краю прогалины.

Рядом с ним на корточках сидел один из их спутников и курил, закрывая ладонью огонек сигареты. Сизый сладковатый дым плыл в стылом воздухе, смешиваясь с туманными полосами испарений.

Гнедышев потянул носом воздух, и у него во рту, где было сухо и противно после полубессонной ночи, вдруг клубком свернулась слюна, и мышцу под языком свело от сладковатого запаха табачного дыма.

Откинув влажное, отяжелевшее от сырости одеяло, он встал, шумно втянув в себя стылый утренний воздух, потянулся, сделал несколько энергичных махов руками и, почувствовав, как от резких движений кровь снова побежала по жилам, подошел к импровизированному наблюдательному пункту.

Лепетов покосился на него, кивнул, приветствуя, и снова обернулся к прорехе в ветвях, пытливо высматривая что-то на той стороне болот.

— Дайте закурить, Олег… — попросил Гнедышев.

Лепетов, не поворачиваясь, протянул ему початую пачку.

Вытаскивая сигарету, Павел заметил, как дрожат его пальцы.

«Господи, помяни царя Давида и всю кротость его… Царь Давид, усмири и обмягчи сердца злых людей, восставших на меня…»

— На, не мучайся… — Лепетов протянул ему окурок, заметив, что пальцы святого отца посинели от холода и никак не могут справиться с колесиком зажигалки.

— Благодарю… — Гнедышев наконец прикурил и с виноватым, но блаженным видом вернул Олегу смятый в гармошку окурок. — А где остальные? — осторожно поинтересовался он, вспомнив вдруг, что накануне их было пятеро, не считая тех двух неприкаянных Душ, что по злобе и глупости своей решили отколоться °т коллектива и выживать сами.

— Ушли за топливом для костра, — ответил их спутник,

представившийся Зарубиным. — Сейчас посветлеет, можно будет немного погреться.

Павел, у которого зуб на зуб не попадал от холода, только кивнул. В душе он уже не верил, что в мир могут вернуться простые человеческие радости. Бессонная, промозглая ночь, казалось, унесла не только тепло тела — она выдула надежду из озябшей души…

«Блажен, кто верует… ибо придет он в царствие мое…»

— Слушай, что ты там все бормочешь? Павел вздрогнул, вскинув на Олега взгляд красных от недосыпания, слезящихся глаз.

— Молюсь, — коротко ответил он и почему-то внутренне съежился, ожидая насмешки или осуждения. Однако Олег вдруг грустно улыбнулся и сказал:

— Про нас не забудь.

Павел хотел ответить, но в это время послышался неясный шум. Олег, который все что-то высматривал в туманном мареве, резко обернулся, подтянув к себе автомат, но его тревога оказалась напрасной, из кустов показались двое членов их группы, которые волокли огромную сухую коряжину.

— Вот это дело! — одобрил их находку Зарубин и встал, чтобы помочь. Павел, на всякий случай оглянувшись на Лепетова, который почему-то внушал ему робость своей сумрачной молчаливостью, засеменил за ним.

Общими усилиями они быстро выкопали яму глубиной около полуметра. Еще один заключенный, Джон Селински, который не принимал участия в земляных работах, а, расположившись чуть в стороне, отщеплял от коряги узкие сухие полоски коры, развел на дне выкопанной ямы небольшой бездымный костерок, от одного вида которого теплело на душе. Когда тот разгорелся, поверх уложили массивную сухую корягу. Минут через пять от углубления в земле ощутимо повеяло жаром, но ни дыма, ни огня видно не было, лишь стылый воздух дрожал над ямой, струясь в горячем мареве.

Пока разгорался костер, Зарубин набрал воды в котелок, кинул туда пару таблеток химической очистки и, дождавшись, когда те растворятся, поставил котелок над огнем, угнездив его в развилке коряги.

— Не потравимся? — с сомнением посмотрев на воду, по поверхности которой тут же закурился пар, спросил Алан Метью, последний из их группы.

— Нет. Я бросил таблетки, — буркнул Зарубин.

— На Прокусе тоже бросали… А потом кишки через задницу

вываливались.

— Не хочешь — не пей.

К костру, вокруг которого расположились четверо членов группы, подошел Олег. Присев на корточки, он протянул к теплу озябшие ладони.

— Есть какие мысли? — не обращаясь ни к кому конкретно, спросил он.

Общее мнение выразил Селински. Он покрутил головой, а потом сказал:

— Нужно чистить участок. Сначала разведка, зачистка, а уж потом будем выпускать утилизатор с почвоукладчиком. Если угробим технику, то вообще никакого дела не будет.

— Верно, — поддержал его Зарубин. — Бог даст, быстренько прошвырнемся по квадрату, посмотрим, что к чему, приговорим все активное железо, а там глядишь — можно будет заняться и мирным строительством.

Олег кивнул, соглашаясь. Он сам думал о том же.

— Думаю, делиться на группы нет смысла? — полуутвердительно произнес он.

— Да, незачем. Нас и так… — Зарубин криво усмехнулся — на одно отделение не наберется.

— Двадцать километров на человека… Это что у нас получается в сумме? Сто шестьдесят гектаров?

— Да, квадрат со стороной в двенадцать с половиной километров, — подтвердил Олег, взглянув на выданную ему карту. — Северный край — сплошные болота, там железа будет очень мало или вообще не будет. А вот в центре обозначен какой-то укрепрайон. Думаю, огонь по модулю велся именно оттуда. Так что, скорее всего, нужно двигаться, пересекая квадрат по диагонали, это как раз совпадает с условной границей болот. Прочистим диагональ — тогда можно будет пройти по периметру. Возражения есть?

Возражений не было.

— Тогда греемся, перекусываем и вперед.

* * *

— Скажите, Олег, а зачем с нами послали киборгов? — Гнедышев осторожно заглянул через внушительную дыру в обшивке внутрь грузового отсека и тут же отшатнулся, заметив, как сильно забрызганы кровью покоробленные стены.

Лепетов молча пролез внутрь. Склонившись над останками человекоподобных машин, он, превозмогая инстинктивное отвращение,

несколько секунд разглядывал мешанину из разодранной плоти, порванных сервоприводов и кусочков разбитых выстрелами микросхем, потом, протянув руку, перевернул изуродованное тело и извлек из-под него плазменную винтовку.

— Вот зачем… — произнес он, выбираясь назад и демонстрируя оружие побледневшему Гнедышеву. Павел поморщился.

— В спину стрелять собирались, да?

— Нет… — покачал головой Олег, спрыгивая на землю. — Они должны были прикрывать нас, — скупо пояснил он.

На бывшего капеллана это утверждение подействовало слабо. Он недоверчиво посмотрел на Олега и переспросил:

— То есть как — прикрывать?

— Ну разве непонятно? — подняв голову, вступил в разговор Селински, который, сидя на берегу болотины, снаряжал запасные магазины к автомату. Перед ним стоял початый при помощи консервного ножа цинк с патронами. — Куда нам с этими пукалками против лазеров? Но и давать нам в руки плазменное оружие — затея рискованная, вдруг у кого крыша поедет? Вот и нашли компромисс. Мы — это армейская разведка, а они, — он небрежно кивнул в сторону развороченных грузовых отсеков, — тяжелая артиллерия. — Джон усмехнулся, но в этой усмешке не было ничего доброго. — Хорошо придумали, сволочи… Электронные мозги на двух ногах. — Он повернулся к Гнедышеву и спросил: — Понятно теперь, падре?! Ты приманка, они крутые коммандос. Идут сзади и ждут, пока по тебе начнет крыть какая-нибудь установка. Засекают ее, выбирают позицию и, пока ты на брюхе месишь болото, харкаясь кровью, спокойно отстреливают огневую точку противника.

— Понятно… — Гнедышев понурил голову, глядя, как Олег очищает оружие от заляпавшей его крови. — А теперь-то как?

Джон пожал плечами, засовывая снаряженный магазин в предназначенный для него клапан разгрузки.

— Сами справимся… — хмуро процедил он, сплюнув в стоячую воду болота, которое уже начало медленно засасывать в себя изуродованный посадочный модуль.

* * *

Через час с небольшим, полностью экипировавшись, они двинулись в путь.

Тыловое охранение решили не выставлять. Олег, которого молчаливо признали старшим, приказал Джону Селински выдвинуться вперед. Со

стороны болот им могла угрожать разве что мутировавшая местная фауна, и потому боковое охранение ограничилось одним человеком, Алан Метью двигался метрах в пятидесяти левее ядра отряда, который составили Лепетов, Зарубин и Гнедышев.

Олег шел молча, напряженно поглядывая по сторонам. Автомат он перекинул за спину, в руках держал плазменную винтовку. В клапаны его разгрузки, в дополнение к магазинам, были засунуты запасные энергоблоки.

Зарубин на ходу вполголоса инструктировал Гнедышева:

— Как начнут крыть, не мечись, не дергайся, сразу падай и ужиком за бугорок… Главное — не паникуй и не начинай палить куда попало, понял? Позицию меняй каждую минуту: у них могут оказаться инфракрасные датчики. Засекут твое тепловое пятно, накроют на хрен,

Гнедышев шел, внимательно слушая своего добровольного инструктора, и невольно втягивал голову в плечи при каждой подробности, расписанного перед ним и близкого уже боя…

Размытое понятие «они», которым воспользовался Зарубин, обозначая их противника, имело в сознании Павла какой-то зловещий вид темного пятна.

Первые два километра дались с трудом, но без происшествий. Солнце уже поднялось достаточно высоко, вокруг просветлело, но хмурая пелена облаков скрывала светило от человеческого глаза, роняя вниз плакучую хмарь дождя.

Война щедро прошлась по Диону, разбросав вокруг немые свидетельства своего горячечного безумства, — листва на деревьях казалась пегой, в некоторых местах растения стояли мертвыми иссохшими скелетами, почти все имели те или иные дефекты развития, сказывалось влияние сброшенных сюда стерилизующих бомб, которые уничтожили не только всю микрофлору исконной жизни, но и сильно обезобразили наследственность выживших форм.

Попадались и иные свидетельства войны. То тут, то там на пути отряда виднелись горелые проплешины голой земли, из которой торчали остовы разбитой планетарной техники. В таких местах резко и неприятно пахло прогорклым машинным маслом, а раскиданные вокруг воронки таили на своем дне лужи мертвой, стоячей воды…

Однако, несмотря на эти подробности, все пятеро дышали полной грудью. Люди ожили, даже в глазах постоянно угрюмого Алана Метью появился живой блеск.

Гнедышев, который сам был выходцем из густонаселенного Земного

мегаполиса, не избежал общего настроения и озирался по сторонам с таким очевидным восторгом, будто попал в закрытый для обычных смертных национальный парк…

— Как в раю… — едва слышно произнес он.

Сейчас, когда отошла дрожь, долго не отпускавшая тело после катастрофической посадки челнока, ему вдруг заметно полегчало. Ночные страхи медленно отступили, а солнце, хоть и невидимое из-за серых всклокоченных туч, но *греющее*, казалось, медленно вытапливает из тела ледяную стужу крионического сна, ласково овевая лицо теплым ветерком, который нес незнакомые уроженцу мегаполиса дразнящие запахи *природы*.

Парадокс, но обезображенный Дион действительно казался им раем.

Что они видели в жизни?

Тесные квартирки города-муравейника? Пахнущие нагретым металлом и человеческим потом каморки на борту космического корабля? Острый медикаментозный запах крионических ванн?

Павел думал над этим, вдыхая полной грудью пьянящие запахи прелой отмирающей листвы, и, может быть, впервые в жизни по-настоящему чувствовал, что *живет*.

«Господи, неужели для этого нужно было пройти войну, смерть, унижение, страх… разрушить столько миров, потерять столько жизней?»

Задумавшись, он едва не налетел на сутулую спину внезапно остановившегося Олега.

Лепетов застыл, предупреждающе подняв руку.

Несколько секунд он напряженно вглядывался вперед, потом, не оборачиваясь, сделал движение ладонью, словно прижимал ей чью-то голову к земле, и медленно отвел руку в сторону.

Гнедышев ничего не понял, но, взглянув на Зарубина, который тихо опустился на землю и отполз в сторону, за ближайшее укрытие, понял, что от них требует командир.

Лепетов, скрываясь за кустом, опустился на одно колено, достал электронный бинокль и поднес его к глазам.

Вокруг внезапно воцарилась звонкая, прямо-таки оглушительная тишина. Гнедышев вдруг осознал, что совсем не слышит никаких звуков, словно редколесье, тянувшееся впереди, вздымаясь пологим склоном холма, вымерло.

Схоронившись за обгорелым пнем, он посмотрел на Зарубина. Тот лежал с побледневшим, напряженным лицом. Глаза впились в одну точку, губы беззвучно шевелятся, пальцы цепко охватили автомат…

Павел невольно проследил за его взглядом и наконец увидел то, что

уже давно приковало внимание его более опытных товарищей, — метрах в ста выше по пологому склону лежало что-то темное, бесформенное.

Вспомнив, что у него тоже есть электронный бинокль, Гнедышев, к которому внезапно вернулась мелкая, противная дрожь, непослушными пальцами расчехлил прибор и поднес его к глазам.

Склон холма резко подался навстречу, укрупнился в деталях до мгновенной потери ориентации. Поведя биноклем, Павел увидел мелкие, обугленные колючие кусты, выгоревший дерн, потом в бинокулярах промелькнул ствол дерева со свежими желтоватыми ранами на коре, а ниже…

Ниже, бессильно прислонясь к стволу дерева, полусидел человек. Его голова была запрокинута, в лице, искаженном гримасой страдания и удивления, не осталось ни кровинки.

«Труп…» — с ужасом понял Гнедышев, узнав в человеке одного из уголовников, покинувших модуль, пока большинство экипажа валялось в бессознательном состоянии после посадки.

Он не хотел смотреть на это специально, но рука, Державшая бинокль, дрогнула, фокус прибора сместился чуть ниже, и он с содроганием увидел, что у мертвеца вместо живота зияет огромная обугленная по краям дыра, сквозь которую виден ствол дерева с шероховатой корой.

Его вдруг замутило. Бросив бинокль, Гнедышев зажал руками рот и забился в конвульсиях. Олег резко оглянулся на шум, но поделать ничего не смог, только взглядом указал Зарубину — проследи — и опять повернулся к склону, по которому медленно полз Джон Селински.

«Не торопись, Джон… — беззвучно выговаривали побелевшие губы Олега. — Справа от тебя, двадцать метров вверх по склону… Только не ошибись, прошу…»

В этой ситуации он ничего не мог изменить. Лепетов мог только наблюдать. Джон, судя по всему, поздно заметил труп, и ему пришлось ничком рухнуть на землю, когда из обугленного дерна с воем сервоприводов поднялась лазерная турель. Теперь она хищно вращала радарной антенной в поисках жертвы. Олег машинально прикусил губу. Если бы Джон пополз назад и оказался бы подальше, то один выстрел из плазменной винтовки смог бы разрешить ситуацию… а так…

Черт, оставалось только ждать, холодея от предчувствий.

Хладнокровию Селински можно было позавидовать. Он уже был метрах в пяти от лазерной турели. Джон полз, умело используя складки местности, поваленный ствол дерева, каждый неприметный бугорок, зная,

что уже фактически оказался в «мертвой» для радара зоне, и опасаться теперь следовало лишь видеокамер системы наблюдения, сопряженной со стволами лазеров.

Турель медленно поворачивалась из стороны в сторону, обшаривая гарь.

Олег наблюдал за ней со всевозрастающим напряжением, понимая, что в наводящем механизме орудия крылся какой-то дефект, поломка, иначе оно уже испепелило бы затаившихся в ста метрах ниже по склону людей.

«Очевидно, повреждена инфракрасная оптика», — рассудил он.

Селински уже обогнул турель, подбираясь к ней сзади. Расчет был верен, насколько это возможно при противостоянии человеческой психики и равнодушной, рассчитанной на уничтожение машины.

Олег наблюдал за движением Селински, до боли в пальцах сжимая волокончатый приклад плазменной винтовки. Ее предохранитель был снят, плазмогенератор заряжен, зеленое окошко индикатора показывало цифру пять — полный объем, на какое было способно данное оружие.

Из побитого пожарами травостоя медленно поднялась рука с зажатой в ней гранатой…

Шарик цвета хаки звонко стукнул о станину орудия, отскочил и…

Черно-оранжевый столб огня и дыма выметнул фонтан земли в том месте, где только что возвышалась турель, тугой грохот ударил по перепонкам, нудно взвыли осколки, что-то с хрустом надломилось в кроне ближайшего дерева, с шелестом стал опадать поднятый взрывом песок…

Олег не прекращал наблюдения и потому видел, как над их головами, медленно вращаясь, пролетел фрагмент сервоприводного механизма орудия, и буквально в следующий миг с вершины холма ударило сразу несколько установок. Веер лазерных лучей с шипением ионизировал воздух над головами людей, глухо, злобно и равномерно застучало импульсное орудие ближнего поражения, в небесах возник резкий басовитый гул, внезапно сорвавшийся на визгливые, воющие ноты, и по земле замолотили разрывы настильного отсекающего огня, рассчитанного на поквадратное поражение местности…

Это был лишь слабый отзвук, отголосок того техногенного ада, который разверзся бы тут, будь система планетарной обороны действительно *работоспособна*, а так…

Олег даже не шелохнулся — пусть кроют, с них станется… но вот Гнедышев…

Бывшего корабельного капеллана можно было понять — он знал войну как величину абстрактную, равную вспыхивающим и гаснущим

точкам на экранах целевых мониторов, ему была ведома узость отсеков, бездна пространства и множество заболеваний души, но *настоящая война*, с кровью, потом, лицом к лицу с беспощадным, равнодушным врагом, — это являлось для Павла опытом запредельным…

— Паша! — дико заорал Зарубин, краем глаза заметив, что Гнедышев не выдержал бьющего по земле огня, — он вскочил, метнулся в одну сторону, в другую, словно ища спасения от фонтанов вздыбившейся земли и находя вокруг лишь грохот да воющую смерть…

Зарубин тоже вскочил, метнулся к нему, но успел заметить лишь глаза Гнедышева — влажные, испуганные, растерянные… Сетка лазерных лучей, найдя наконец цель, резко опустилась ниже…

Ноги Павла еще бежали, а верхняя часть тела уже отделилась от них, падая назад…

— Паша… — Зарубин упал на колени, кусая губы, чтобы не заорать: — Суки… суки…

Он порывисто поднялся, метнувшись вверх по склону.

Олег понял — еще секунда, и он потеряет всех.

Стоило сорваться одному, и беспощадная карусель смертей тут же взвихрилась вокруг них…

Вскинув голову, он нашел глазами ближайший источник режущих глаз лазерных вспышек, прицелился и, задержав дыхание, потянул спуск.

Оружие ответило мягким, едва ощутимым толчком, отчетливым жужжанием и обдавшим лицо жаром.

Голубая рукотворная шаровая молния пронеслась параллельно склону холма, чтобы разлиться на венчающей холм площадке остервенелым пламенем термоядерного синтеза…

Будь заряд чуть больше, и в этом огне потонул бы весь холм, но так в реакцию оказалось вовлечено лишь несколько кубических метров брони и сталепластика в том месте, куда угодил разряд плазмы.

Стрельба из плазменной винтовки на короткие дистанции — занятие самоубийственное, но Олег уже не думал о количестве рентген жесткого излучения, что распространялись от трехметровой воронки с остекленевшим дном, — все потеряло смысл в бушующем вокруг аду, и он, подчиняясь скорее инстинкту солдата, чем разуму, еще четыре раза резко повел стволом, меняя прицел, и столько же раз нажал на спуск.

Весь склон холма от плоской, выровненной искусственным путем вершины до его середины превратился в кипящий лавовый поток — почва пылала, деревья, оставленные здесь при строительстве рубежей ради будущей маскировки, вспыхивали и опадали пеплом прямо на глазах, в

течение каких-то секунд… волна жара прокатилась во все стороны, сжигая остатки травы, в горячем воздухе закружил пепел и…

Внезапно наступила громовая, неправдоподобная тишина…

…Через минуту или две одинокая человеческая фигура появилась в стелящемся вдоль земли дыму.

В руках у Олега не было ничего, разряженную винтовку, чей генератор должен был накапливать новый заряд в течение нескольких часов, он бросил, а автомат остался болтаться за спиной, теперь на превращенном в стекло рубеже оружие было ни к чему…

Впереди простиралось поле радиоактивного шлака, — очередной, фактически незаметный на общем фоне разрушений шрам, еще одна отметина на многострадальном теле планеты Дион.

Шрам, поглотивший души четырех…

Нет, пяти человек…

* * *

В голове Олега было удивительно пусто. Он брел по горячей, остекленевшей земле, чувствуя ее жар сквозь подошвы ботинок, и его душа, казалось, отлетает вместе с прахом тех, кто сгорел в этом аду…

Во имя чего? Ради устранения последствий отгремевшей войны? Почему одна жестокость порождает другую, и есть ли конец у этой цепи злых противоречий, возникающих внутри одной цивилизации, одного, по сути, человечества, которое и сейчас, спустя годы после окончания войны, продолжает ненавидеть, жить этой ненавистью, мстить…

За этими рваными, горькими мыслями Олег не заметил, как добрел до уплощенной вершины холма. Остановившись, он с удивлением огляделся. Лавовая короста остекленевшей почвы покрывала не только этот, но и противоположный склон, хотя сюда не могли достать выстрелы из его винтовки. Этот рубеж планетарной обороны был смят, сплавлен в единый ком, и только устья вентиляционных шахт подземных коммуникаций, огарки антенн да несколько вертикальных входов-колодцев, с которых сорвало крышки люков, напоминали о том, что здесь полчаса назад находился один из укрепленных узлов этой самой обороны.

Олег с содроганием огляделся вокруг и вдруг увидел одинокую человеческую фигуру, которая брела по склону с противоположной стороны холма.

Он встрепенулся, хотел окликнуть внезапно объявившегося человека, но слова вдруг застряли в горле горьким, сухим комом, — ну разве не насмешка судьбы, — по склону холма медленно брел киборг…

Плазменная винтовка волочилась за ней на длинном, отпущенном с

плеча ремне, медленно подпрыгивая на неровностях остекленевшей почвы.

Бум… Бум… Бум… Бум…

Похожий звук, мгновенная ассоциация заставили его невольно вздрогнуть, присмотреться, и Олег понял: это действительно она.

Та самая женщина-киборг, которой он дал кусок черствого хлеба той долгой, бессонной ночью перед высадкой, еще на станции.

Она шла словно сомнамбула, не видя ничего вокруг, не замечая ни Лепетова, ни сожженного огнем термоядерного синтеза рубежа — ничего.

Правую руку с окровавленной, обожженной кистью она неловко прижимала к груди, по худым щекам, смывая копоть и засохшую кровь, текли слезы. В ее блуждающем взгляде жило безумие.

Несколько секунд Олег в полном оцепенении смотрел на нее, находя слишком много человеческих черт в этой машине нового, неведомого ему поколения андроидных механизмов, смотрел и не видел в ней никакого сходства с теми киборгами, что попадались ему на станции… Эта была какой-то особенной, неправильной, слишком сильно похожей на человека…

«Очевидно, ее группа наступала на холм с другой стороны…» — отстраненно подумал Олег, тут же задав себе вопрос, не все ли равно теперь, кто и откуда наступал?..

Это страшное оцепенение негаданной встречи нарушил тонкий, ломкий свист падающей на излете мины.

Звук вырвался из-за побитого частыми пожарами леса, ушел в серые небеса, чтобы спустя секунду упасть, выбив из остекленевшей площадки брызги горячего, спекшегося в ком кремнезема…

— Ложись! — крикнул Олег, ничком падая на скользкий грунт, но она будто не слышала, продолжала идти, пошатываясь, спотыкаясь…

Следующий разрыв ударил в вершину холма, сбил ее с ног ударной волной, прокатив, словно тряпичную куклу, по оплавленной плазменными разрядами поверхности земли.

Олег больше не мог раздумывать, в нем опять, в который уже раз вне зависимости от измученного разума и обрывков воли, заработали простые и понятные рефлексы. Это был инстинкт солдата…

Метнувшись меж разрывов, он добежал до нее.

Киборг сидела, безумно тряся контуженной головой. Ее короткая стрижка сбилась набок, обнажая какие-то образующие сетку проводки…

Олег рывком поднял ее с земли, толкнул вперед, по направлению ближайшего устья ведущей в недра холма шахты.

Упав у края вертикального колодца, массивный люк которого сдуло

плазменным вихрем, он перевернулся на живот, сломал предохранитель осветительной шашки и бросил ее вниз.

Мерцающий факел с воем пролетел метров двадцать вертикального, украшенного чередой скоб спуска и рассыпался искрами на перекрестке горизонтальных коридоров.

— Туда! Вниз!

Казалось, что она поняла смысл полученного приказа. Посмотрев на Олега мутными от боли глазами, киборг медленно кивнула и, не обращая внимания на пляшущие вокруг разрывы, неуклюже перевалилась через край колодца, нашарив дрожащей ногой первую скобу.

Олег, вжимаясь в землю, дождался, пока она спустится до середины шахты, а затем полез туда сам.

Проклятая установка продолжала бить, перепахивая белый свет над их головами, но по мере спуска разрывы звучали все глуше, глуше, и, наконец, только мерное подрагивание холодных, шероховатых бетонных стен стало напоминать о беснующейся наверху смерти…

Они оказались в стылой подземной тиши какого-то узла планетарной обороны Диона.

* * *

Через час с небольшим, истратив весь запас флеш-ракет, Олег увидел забрезживший в глубинах бункера свет.

В первый миг это показалось ему галлюцинацией уставших, контуженных зрительных нервов, но свет не исчезал, наоборот, он становился четче, явственнее с каждым шагом.

Киборг все это время, прихрамывая, шла следом. За время блужданий по подземным коридорам они не обмолвились ни словом, только иногда Олег слышал, как за его спиной раздается сдавленный стон, и опять — лишь звук шаркающих шагов в вязкой, ватной, холодной тишине.

Тусклый свет исходил от плафона аварийного освещения, установленного под потолком на крестообразном пересечении тоннелей.

На этой развилке имелись указатели. Стены тут были облицованы пластиком, исчез холодный шероховатый бетон, под ногами больше не попадался мусор.

Остановившись, Олег посмотрел на указатели направлений:

«Главный пост управления»

«Штабной отсек»

«Артиллерийские службы»

«Медицинское крыло»

Киборг, которая добрела до перекрестка, со стоном прислонилась к стене.

Олег посмотрел на ее землистое лицо, окровавленную кисть и решительно свернул налево, по стрелке указателя медицинских служб.

* * *

Их путь оказался коротким: через несколько десятков метров тоннель кончился приоткрытыми створами массивных модульных ворот.

За ними открылась целая вереница помещений, которые до сих пор не утратили своей относительной стерильности. Удивительно, но тут, в глубинах бункера, продолжала исправно функционировать львиная доля автоматического оборудования.

Олег остановился подле жесткого одра, над которым нависал комплексный аппарат функциональной диагностики.

— Ложись сюда, — коротко приказал он.

Киборг повиновалась.

Похожий на паука массивный аппарат, подвешенный на монорельсе, опутанный множеством шлангов, тихо загудел и начал медленное движение вдоль ее тела.

Олег смотрел на контрольный монитор, на котором по мере движения аппарата проплывало внутреннее строение ее тела.

«Вроде ничего страшного… Кости целы, мышцы не порваны… Ожег левой кисти и крайнее истощение…»

«Стоп!..»

Олега словно окатило жаром.

«Какие мышцы и кости?! Она же киборг! Где эндоостов, сервоприводы, электроника?!»

Ничего этого не было и в помине. Перед ним лежал крайне истощенный, раненый человек, хрупкая женщина, безжалостно перемолотая жерновами войны…

Он с ужасом посмотрел на нее и внезапно понял, что не бредит. Она была человеком… Но как тогда…

Страшная догадка пронзила его. Комплексный аппарат уже произвел несколько инъекций, и маска мучительной боли медленно покидала ее черты. Олег дрожащими пальцами коснулся ее короткой солдатской стрижки, забрал в горсть короткие волосы, напрягся и… дернул.

Искусно приклеенный парик с неприятным звуком отделился от бритого под машинку черепа. На нем уже начали отрастать свои, *настоящие волосы*, и сквозь их ежик едва проглядывала сеточка проводов,

надетая поверх, словно шапочка пловца…

Олег смотрел на это творение рук человеческих, и стылый ужас перемещался в его груди ледяными волнами.

Он медленно повернулся к панели управления медицинским аппаратом и набрал команду:

«Исследовать и удалить инородное включение в нервные центры черепной коробки».

Аппарат вновь загудел, двинувшись к голове пациентки.

Олег посмотрел на нее, прислушался к выровнявшемуся дыханию и понял, что введенные ей препараты уже подействовали и она находится под наркозом.

Дождавшись, пока медицинский аппарат примется за дело, он взглянул на его экран, покачал головой и, оглянувшись на прощание, пошел к выходу из отсека.

На Дионе продолжали погибать люди, и у него еще оставались неотложные дела в этой части бункера, хотя теперь, после осознания всего случившегося, у Олега не было прежней уверенности в том, что он поступит правильно, обезвредив хотя бы часть комплекса планетарной обороны.

Он понимал, что не выйдет ни в какую точку сбора. Ему незачем было вновь подниматься в космос. Он не хотел видеть людей, потому что понял: нет и не было правых и виноватых сторон, есть только люди — чудовищные, гениальные, жестокие создания природы, которые обрели власть над ней, но пользуются этой властью не во благо всего сущего…

Глава 5

Реанимационный аппарат тихо пискнул, отключаясь.

Эллен дышала ровно, спокойно. Ее лицо казалось умиротворенным. Удаленный имплант лежал на столике рядом. На его контактах запеклась кровь.

Олег сидел подле, ожидая, когда она очнется. Он понимал, что с ней сделали, и поэтому ожидал ее пробуждения в напряжении.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, каких бешеных денег стоил облеченный в живую плоть робот-андроид. А там, где светит запредельная прибыль, всегда находятся люди, готовые преступить любую черту ради ее получения. Олег практически не сомневался в том, что корпорация «Галактические Киберсистемы», чье клеймо стояло на киборгах, сама не подозревает, что часть их баснословно дорогой продукции кто-то перехватывает в процессе транспортировки и подменяет людьми, которым вживлен дешевый имплант, подавляющий память и способный ввести в заблуждение тестовые программы.

Жестокий расчет. Одноразовая прибыль, деньги, добытые на крови.

Олег не хотел больше иметь ничего общего с людьми, которые допускали подобное.

Он не выйдет в точку сбора, хотя уже получил право на свободу и новую жизнь.

Час назад он отключил центральный процессор всего комплекса планетарной обороны планеты Дион. Сотни машин остановились, подчиняясь введенной им вручную команде, которую Олег отдал с главного пульта управления этого бункера…

Пройдет не так много лет, и жители Диона забудут о бушевавшей здесь Галактической войне.

Планета Дион прославится своими золотыми пляжами Коллио, превратившись в один из самых фешенебельных курортов обитаемой Галактики.

А у истоков ее вторичной колонизации будут стоять два человека, чьи имена ни разу не упомянет ни одна официальная хроника.

…Один из этих двоих медленно открыл глаза.

Посмотрев в белый низкий потолок медицинского отсека, Эллен повернула голову. Увидев рядом совершенно незнакомого мужчину в изодранном, опаленном, забрызганном кровью камуфляже, она вздрогнула

и тихо спросила:

— Кто вы?

Он обернулся, приложив палец к губам.

— Спокойно, Эллен, не волнуйся… Все хорошо… Ты помнишь, кто ты такая?

Она недоуменно прислушалась к его словам, затем к собственным мыслям и кивнула:

— Конечно. Я Эллен Хигс, лейтенант Флота Свободных Колоний. А вы? Кто вы такой?

Олег горько усмехнулся своим мыслям, потом взял в руки ее ладонь и ответил:

— Капитан Олег Лепетов. Флот Земного Альянса. Но это уже не имеет никакого значения, Эллен. Война закончилась. Давно…